

А. К. МАТВЕЕВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КАМАСИНСКОМ ЯЗЫКЕ И КАМАСИНСКОЙ ТОПОНИМИКЕ

(предварительное сообщение)

У северных отрогов Саян, в долине р. Ильбин, приютилась небольшая деревня Абалаково. По современному административному делению она находится на территории Рыбинского района Красноярского края. Деревня эта до революции именовалась Абалаковский улус, а её жителей местное русское население называло «татарами». Но ученые А. Л. Шлёцер и П. С. Паллас еще в XVIII веке установили, что язык абалаковских «татар» не имеет ничего общего с тюркскими языками, да и сами жители Абалаково называли себя в отличие от «степных» татар «таежными» татарами или **камасинцами**.

Небольшой народ камасинцев принадлежал к южной (саянской) группе самодийских народов, родственной современным северным самодийцам (ненцам, энцам, нганасанам, селькупам). В настоящее время еще не решен вопрос, было ли Алтайско-Саянское нагорье древней прародиной южных самодийцев или их последним прибежищем. Как бы то ни было, к середине XIX века самые многочисленные из южносамодийцев — камасинцы — еще насчитывали около 130 человек, а остальные южносамодийские народы (койбалы, моторы и др.) смешались с местным тюркским населением и постепенно растворились в нем. Камасинцы же по-прежнему летом кочевали по обширным горным плато («белогорьям»), где они падали своих оленей, охотились в богатых дичью саянских лесах, ловили рыбу в горных озерах. Зимой они спускались с белогорий в гостеприимную, защищенную высокими хребтами от ветров, долину р. Ильбин, где находилось их зимнее стойбище.

Осенью 1847 года здесь и застал камасинцев знаменитый исследователь языков Сибири Александр Кастрен. Он прожил среди камасинцев около двух недель, описал грамматический строй их языка и составил небольшой словарь (около 900 слов).

Проходили годы. У подножья Саян появились первые русские поселения, с жителями которых камасинцы поддерживали тесные хозяйственные и культурные связи. В конце XIX века, когда от мора погибли все олени, камасинцы решили оставить оленеводство и навсегда поселиться в Абалаково. С тех пор они, как и русские, в основном занимались земледелием, но любили также охо-

ту и рыболовство. С течением времени возрастало количество смешанных браков, забывались древние обычаи и обряды, все меньше камасинцев хорошо знало свой родной «таежный» язык.

В 1914 году финский ученый Кай Доннер решил посетить последние южносамодейцев и изучить вымирающий камасинский язык. Около двух месяцев провел он в Абалаково, сделал много уникальных записей и составив словарь камасинского языка (около 1550 корневых слов). По данным Доннера, в это время уже только камасинцы 45—50 лет хорошо знали родной язык. Посетивший Абалаково в 1925 г. известный красноярский краевед А. Я. Тугаринов еще застал несколько стариков, помнивших камасинский язык, и записал отдельные слова. С тех пор у камасинцев никто не был. Считалось, что этот язык мертв¹.

Естественно, что ни Кастрен, ни Доннер не могли за короткое время собрать материал с достаточной степенью полноты характеризующий этот интересный язык, изученный лучше, чем языки других южносамодейцев, но все же очень плохо. По этой причине представляет ценность каждый новый факт, имеющий отношение к камасинцам и их языку.

Наша небольшая экспедиция, в состав которой входили А. К. Матвеев (руководитель), Э. Косова, Л. Копытова, П. Ашук, В. Романов (студенты IV курса филологического факультета Уральского государственного университета имени А. М. Горького), в июне 1963 г. отправилась в район Абалаково с целью записать возможно сохранившуюся камасинскую топонимику, а также проверить сам факт исчезновения камасинского языка. Кроме того, экспедиция должна была посетить село Агул, где раньше жили котты, чтобы попытаться найти в топонимике следы коттского субстрата.

В Абалаково экспедиция работала 20 дней. Сейчас здесь живут преимущественно русские и украинцы. Есть несколько потомков качинских («степных») татар, которые уже почти забыли свой родной язык, хотя и сохранили явно монголоидный облик. В самом Абалаково и в окрестных селах живут также потомки камасинцев из семей Анджигатовых, Шайбиных и Саломатовых, но все они уже не знают родного языка. Факт вымирания камасинского языка был таким образом подтвержден. Более того, в самом Абалаково о камасинцах уже почти ничего не помнили. Говорили только, что раньше здесь жили «татары».

В течение нескольких дней была собрана местная топонимика, к сожалению, сохранившая мало самодийских следов. Студенты Л. Копытова и В. Романов побывали в Агуле, где о коттах уже

¹ Приводим основную литературу по камасинскому языку:

M. A. Castren. Grammatik der samojedischen Sprachen, SPB, 1854; Wörterverzeichnis aus den samojedischen Sprachen, SPB, 1855; K. Donner. Samojedische Wörterverzeichnis, Helsinki, 1932 (MSFOu, 64); Kamassisches Wörterbuch, Helsinki, 1944 (LSFU, VIII); A. Joki. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen, Helsinki, 1952 (MSFOu, 103); А. Я. Тугаринов. Последние калмажи. „Северная Азия“, 1926, I, стр. 73-88.

ничего не было известно, а субстратная топонимика оказалась столь же скудной, как и в районе Абалаково². Экспедиция уже собиралась закончить свою работу и возвратиться в Свердловск, когда удалось установить, что одна из жительниц Абалаково — Клавдия Захаровна Плотникова, урожденная Анджигатова, еще помнит кое-что по-камасински, и мы немедленно приступили к сбору материала по этому языку.

Клавдия Захаровна Плотниковой-Анджигатовой сейчас 70 лет, отец её — русский Захар Перов, мать — камасинка Афанасия Анджигатова. Один из младших братьев К. З. Анджигатовой — Василий — еще жив, но он, по её словам, не помнит родного языка.

Последняя камасинка еще очень бодрa, она делает всю работу по дому и даже сама косит. В соседнее село Агинское, находящееся в 25 километрах от Абалаково, предпочитает ходить пешком.

Живет К. З. Анджигатова в небольшой комнатке, расположенной в одной половине дома. Вторую половину занимает её родня (семья племянницы), которая уже совсем не помнит языка.

По-русски К. З. Анджигатова говорит без акцента. В некоторой степени владеет языком качинских («степных») татар.

Собирая материал по камасинскому языку, мы беседовали с К. З. Анджигатовой каждый день по несколько часов. Работать с единственным информатором трудно — у него нет собеседника, он быстро устает. Кроме того, надо учесть, что сама К. З. Анджигатова уже 20 лет (с тех пор, как умерла ее тетка Матрена) ни с кем не говорила на своем родном языке. Тем не менее, нам удалось записать довольно значительный материал.

Первоначально К. З. Анджигатова вспоминала только отдельные слова и фразы, но с каждым днем их становилось всё больше и больше. Заметим, что хотя в нашем распоряжении был «Камасинский словарь» Доннера, в диалоге использовались только те слова и фразы, которые уже были зафиксированы в речи информатора.

Характерно, что при просьбе повторить ту или иную фразу К. З. Анджигатова говорила по-камасински с более заметным русским акцентом.

Разумеется, камасинский язык К. З. Анджигатовой уже только тень языка, засвидетельствованного Кастреном и Доннером. Это — последняя стадия существования языка, который представляет собою смесь камасинских и русских слов и форм, исключительно беден лексически и грамматически, лишен каких-либо нюансов. Об интенсивном воздействии русского языка на камасинский язык

² Дело в том, что русское население, ассимилировавшее камасинцев и коттов, занималось главным образом земледелием и проявляло мало интереса к географической номенклатуре иного характера. Очевидно, по этой же причине в Абалаково и Агуле не были обнаружены лексические субстратные включения.

К. З. Анджигатовой свидетельствуют, в частности, такие примеры: **джэбактырлапном мби попало** «болтаю, что попало»; **гйэн сабон? надо сабонзи бызистö** «где мыло? надо мылом помыться».

Тем не менее, в речи К. З. Анджигатовой еще отражена энергичность и напряженность артикуляции, характерные для камасинского языка, гортанная смычка (ʔ), которая встречается довольно регулярно как в середине, так и в конце слова, геминированные (пп) и придыхательные (kh, mh) согласные. Ср.: **дэ' khyзa' амно'лаппо** «этот человек сидит»; **бузо нулаппо, но' амнаппо', khandалаппо, шэ'лаппо** «теленочок стоит, траву ест, пошел, идет».

Обращает на себя внимание одна индивидуальная особенность произношения К. З. Анджигатовой. Там, где Доннер указывает мягкое д', она обычно произносит смягченную аффрикату дж (шойджо «кузовок из бересты», джу «земля»).

Словарный запас К. З. Анджигатовой еще довольно значителен. Записано несколько сот слов. Характерно, что она не могла вспомнить многие самые обычные слова («озеро», «олень», «луна», «звезда» и т. д.). Однако лексика, связанная с бытом, представлена еще хорошо: **кунгуро** «ботало; колокольчик на шее лошади (коровы)»; **бузо** «теленочек»; **шойджо** «кузовок из бересты»; **куинэк** «рубаха»; **но'** «трава, сено»; **йама'** «сапог»; **тылзитты** «копать». Есть даже слова, которые не зафиксированы в словаре Доннера: **кнадыл** «лицо»; **быргарлапном** «сбиваю (масло)».

К. З. Анджигатова помнит в основных чертах систему склонения. Так, например, множественное число регулярно образуется при помощи формантов **зэнг** и **и** (**ни** «парень» — **низэнг** «парни», **корис** «петух» — **коризэнг** «петухи»; **тажа'** «купавка» — **тажа'и** «купавки», **йама'** «сапог» — **йама'и** «сапоги»). Засвидетельствованы формы всех падежей единственного числа, кроме винительного, который, по-видимому, уже утратил особое окончание. Ср.: **джу** «земля» (именительный), **джугун** «на земле» (местный), **джуну** «земле»; «на землю» (дательный); **сырыпнэ** «сахар» (именительный), **сырыпнэзи** «с сахаром» (орудийный). Вместо винительного падежа регулярно употребляется именительный: **ама'** **уйа, мый** «ешь мясо, щи».

У информатора записано большое число глагольных форм, однако в настоящее время еще трудно сказать, в какой мере сохранились парадигмы камасинского спряжения.

К. З. Анджигатова твердо знает числительные в пределах первого десятка: **оп** — 1; **шидэ** — 2, **нагур** — 3, **тэ'ты** — 4, **сумна** — 5, **мукту** — 6, **сэйпу'** — 7, **шинтэты** — 8, **аммиттун** — 9, **бйэ** — 10.

Обычно К. З. Анджигатова говорит только слова и отдельные фразы, но иногда непроизвольно получается нечто вроде небольшого связного текста, образец которого приводится: **амна', ама' уйа, мый; сыги бу быдэ' сырыпнэзи; иппэк ипполаппо, ама'** «сидишь, ешь мясо, щи; чай пей с сахаром; хлеб лежит, ешь».

К. З. Анджигатова рассказывает и сказки самодийского проис-

хождения, например, о хитром человеке по имени **Кодур**, но, к сожалению, она знает их только по-русски.

У К. З. Аджигатовой может быть собран еще большой и интересный материал. Для этого в 1964 году предполагается провести новую экспедицию. Уже зафиксированный материал обрабатывается и будет опубликован.

Несмотря на то, что собранная в Абалаково топонимика количественно очень незначительна и что, в частности, субстратные названия почти не встречаются в микротопонимике, анализ реликтов камасинских географических названий представляет определенный научный интерес.

Насколько нам известно, камасинскую топонимику никто специально не собирал и не изучал. Только Доннер во время своего пребывания в Абалаково записал некоторое количество топонимов, преимущественно гидронимов, которые и были включены в его «Камасинский словарь» (32 названия).

К сожалению, большинство записанных Доннером гидронимов уже утратило детерминативы, имеющие большое значение для установления топонимических типов. Тем не менее, из записей Доннера следует, что в качестве гидронимических детерминативов употреблялись три географических термина: **бу** «вода, река, озеро» (**кун-бу** «река Кун»), **д'ага** (**джага, т'ага**) «река, поток, маленькая речка» (**айангд'ага** «река Оя», дословно «степная река») и **тһу** «озеро, протока, река» (**тажи-тһу** «гусиная река»)³. Зафиксированные Доннером значения слова **тһу**, по-видимому, объясняются постепенным забвением его первоначальной семантики (**тһу** «озеро»). Это могло быть связано с переходом камасинцев к земледельческому быту⁴. Не случайно и К. З. Аджигатова не могла вспомнить, как будет по-камасински «озеро» (близ Абалаково озер нет).

Из зафиксированных на территории бывшего расселения камасинцев субстратных топонимов наибольший интерес представляет группа гидронимических названий на **ба** — **Ангреба, Жидарба, Кулитьба (Кулиба), Сынзыба, Танойба**. Возможно, что формант **ба** должен связываться с детерминативом **бу** «вода, река», как предполагает А. П. Дульзон (Дорусское население Западной Сибири, стр. 364), однако не исключено, что в гидрониме **Сынзыба** надо выделять формант **зыба**, увязываемый с камасинским суффиксом прилагательных **зэби, сэби**.

3 Не совсем ясно утверждение А. П. Дульзона о наличии у камасинцев слова **чу** — «река» (Дорусское население Западной Сибири, Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961, стр. 365).

У Доннера приведено **тһу**, а не **т'у** «озеро, протока, река».

4 Все приведенные Доннером названия рек с детерминативом **тһу** прилапаются к порным озерам в бассейнах рек Казыра и Маньы, где вследствие множества рек и проточных озер смешение детерминативов могло произойти особенно легко.

Другую характерную группу названий составляют гидронимы на жа (жу) — Куража, Майножа, Туманжа (Туманжу), Хайдымжа (Хайдымжу). На камасинской почве они не получают сколько-нибудь удовлетворительного объяснения. К тому же х (Хайдымжа) довольно редкий звук для камасинского языка.

Детерминатив чага явственно выступает в гидрониме Синечага (приток р. Маны).

Все приведенные гидронимы записаны у местного русского населения. К. З. Анджигатова сообщила только три камасинских названия: **кхазан тура** («русская деревня») — село Агинское, **пэшиби джага** («печная река») — р. Малый Арбай и **урго мыйа** («большая гора») — высокая гора, расположенная между Абалаково и р. Кирель.

Более обстоятельный анализ субстратной топонимики, собранной на территории бывшего расселения камасинцев, должен явиться целью особого исследования.

ДОПОЛНЕНИЕ

После того как рукопись этой статьи была сдана в печать, состоялась еще одна экспедиция в юго-восточные районы Красноярского края (летом 1964 года). В ходе этой экспедиции была проведена большая работа по уточнению генеалогии камасинцев и собиранию сведений о других «таежных», которые еще могут помнить родной язык. В результате этой работы было установлено, что живущая в городе Красноярске Александра Елисеевна Жибьева (Джибьева) еще владеет в некоторой степени «таежным» языком, хотя значительно хуже, чем К. З. Анджигатова, так как все время смешивает камасинские слова и формы с карагасскими и качинскими.

Большая работа была проведена и с К. З. Анджигатовой. Участнику экспедиции А. Ю. Кюннапу (Тарту) удалось записать на магнитофонную ленту значительные по величине камасинские тексты, которые затем были переведены. Замечательно, что К. З. Анджигатова не только работала с удовольствием, но и значительно легче оперировала камасинским материалом, чем в 1963 году.

Летом 1964 года была продолжена также работа по сбору южносамодийской топонимики.

Собранные в экспедиции сведения позволяют надеяться, что могут быть «найжены» и другие камасинцы, помнящие родной язык.